

Часть первая

Глава 1

В комнате оказалось темно. Но не настолько, чтобы не видеть, в каком направлении двигаться. Единственное окно было не задернуто шторами, и в комнату попадало немного света уличного фонаря. Левон, обойдя перевернутый стол, прошел к торшеру, стоящему в углу, и щелкнул кнопкой выключателя. Стало светло.

Помещение было большое, но крайне неуютное. Низкий потолок, выкрашенные темно-синей краской стены, истертый линолеум. Из мебели — стол, ныне валяющийся, и кресло с драной обивкой. В углу стоит огромная газовая плита. Остальное пространство заставлено грубо сложенными стеллажами. На их полках разноцветные фигурки. Зайчики, котята, мишки; груши, яблочки, ананасы; нимфы, клоуны, ангелы. Вещей в комнате было довольно много, но царили в ней не они, а... запах!

— Чем тут так воняет? — пробурчал коллега Левона, Леха Колобов, зажав нос пальцами.

— Не воняет, а пахнет, — поправил его Левон. — И между прочим, довольно приятно...

— Фу! — Леха присел на корточки возле перевернутого стола и стал рассматривать застывшую желтоватую лужу. — Не этим ли?

— Так ты понюхай.

— Давай ты. А то меня сейчас вырвет...

— Какие мы нежные! — Левон опустился рядом с Лехой, поддел массу ногтем и поднес к носу. — Кокосом пахнет.

— Точно! Ненавижу «Баунти».

— Вообще-то тут много других запахов витает. Не чувствуешь? Мята, фрукты, миндаль... — Левон повел своим крупным армянским носом. — Кофе, сандал, барбарис...

— Ты выбрал не ту профессию, Лева. Тебе надо было идти в парфюмеры, а не в полицию. — Леха приоткрыл одну ноздрю. — А кровью, что странно, не пахнет совсем. Хотя ею тут все залито...

— Ароматы перебивают.

Левон поднялся и направился по кровавому следу к плите. Он тянулся от нее к двери. Человек, чей труп сейчас осматривал криминалист, получил две пули в живот, когда колдовал над своим кокосовым варевом. Судя по всему, он изготовил его, выключил газ, снял кастрюлю с плиты, развернулся, собираясь поставить ее на стол, а затем разлить по формам, когда в него выстрелили. Дважды (хотя гильзу почему-то нашли лишь одну)! Пули попали ему в брюшину. Человек выронил кастрюлю, схватился за живот и, падая, опрокинул стол. Но он смог устоять на ногах и даже сделать несколько шагов к двери. Достигнув ее, он схватился за косяк — на нем остались кровавые следы — и рухнул на пол.

— Что скажешь, Василич? — крикнул Левон, обернувшись. Он обращался к криминалисту. Только устроившись в полицию, в то время милицию, опе-

руполномоченным, Левон думал, что Василич это отчество. На самом деле оказалось — фамилия. Звали Василича Григорием. А отчество он имел совершенно потрясающее — Македонович.

— Пока ничего нового, — ответил тот, стянув с рук резиновые перчатки. — Умер от полученных огнестрельных ранений. Но не сразу. Помучился минут десять. Пытался встать. Тянулся к телефону. Сил не хватило, впал в беспамятство, после чего скончался.

— Сильный мужик. Другой бы с такими ранами и шагу не сделал.

— Да. Крепкий. И молодой. Сорока нет... — Для пожилого Василича все, кто моложе пятидесяти, были молодыми.

— Тридцать шесть, — подал голос Леха. — Я документ нашел! — Он показал паспорт. — Не женат. И не был. Зовут Валентином. Фамилия крайне редкая... — И со смешком озвучил: — Петров.

— Прописан здесь?

— Да.

— Надо же... Я думал, это только мастерская. А он свой дом в мыловарню превратил.

Квартира была двухкомнатной. Последний этаж трехэтажного дома барачного типа из рыжего кирпича. Ветхое жилье, давным-давно предназначенное к сносу. И это не на окраине столицы, а близко к центру. Таких хибар сохранилось крайне мало. Через несколько лет вовсе не останется, но пока они имеют место быть. Тот же Леха до недавнего времени жил в подобной, но три года назад ее снесли, и Колобову дали квартиру в новостройке. Его, к слову сказать, это не очень порадовало, так как пришлось из хорошего

района переехать... как он говорил, в «задницу Москвы».

— Смотри, тут еще куча визиток! — сообщил Леха, стоявший возле стеллажа, самого близкого к двери. В нем не было фигурок. Только книги и бумаги. — Валентин Петров. Дизайнер. Простые вещи в простом исполнении. — Он ткнул пальцем в стеллаж с фигурками. — Это он об этом? Что ж... Хорошо сказано. Вроде мыло, но не только. Еще и скульптурка симпатичная. Я б своей жене купил что-то подобное на 8 Марта или День Валентина. Мелочь, а приятная.

— И не дешевая.

— Даааа?

— Мыло, изготовленное на заказ, стоит прилично. А в этом еще натуральные ингредиенты.

— Значит, хорошо зарабатывал наш дизайнер? Пойду посмотрю, пропало ли что.

И Леха удалился в соседнюю комнату. А Левон остался в мастерской и стал осматривать ее более внимательно. Ничего необычного в глаза не бросалось. Немного удивляло отсутствие верхнего освещения — в цоколь даже лампочка не ввернута, и Левон решил, что дизайнеру Петрову ночью лучше творилось при свете торшера, а днем, пусть и пасмурным, он вообще не пользовался осветительными приборами, коль на окнах даже занавесок нет. Что неплохо для следствия. Возможно, кто-то из жильцов дома, стоящего поблизости, что-то видел. Убили Петрова как раз днем. А вечером соседка, возвращаясь с работы, заметила, что дверь не закрыта, заглянула и увидела труп. Позвонила в полицию.

— Бумажник на месте, в нем деньги, — крикнул из соседней комнаты Леха. — Часы тут еще, цепочка. В общем, не грабили его.

— Или взяли что-то конкретное, не размениваясь на мелочи, — предположил Левон.

Недавно он вел дело по убийству одного дедушки. Жил тот в маленькой квартирке, скудно питался. Его умертвили ударом по голове. Деньги остались на месте, как и все более-менее ценные вещи. Решили, что деда из-за квартиры грохнули наследники. Но нет, не было у него их. Оказалось, у деда имелась шикарная коллекция марок, доставшаяся от отца. Ему она была дорога как память, и ценности ее он не знал. Доставал редко, чтоб, подержав в руках, вспомнить детство. Однажды за этим его застал сосед, зашедший за какой-то мелочью. Увидев коллекцию, тот сразу оценил ее — разбирался в марках. Хотел выкупить ее у старика, естественно, по заниженной, но все равно очень приличной цене. Но дед ни в какую. Память — и все тут! За что и поплатился жизнью...

— Ой, да чего брать-то у Вальки? — слышалось из прихожей. Это соседка, та самая, что обнаружила труп, протиснулась в дверь. — Все, что зарабатывал, тут же и тратил на материалы для новых работ. Он именно так называл свои изделия — работы. Ладно, хоть не творения! — фыркнула женщина.

— Вы его не очень жаловали, смотрю? — поинтересовался Леха, выйдя в прихожую с простеньким планшетом в руке. Нашел при обыске, видно.

— А его тут никто не жаловал. Устроил мыловарню на дому. Запахи навязчивые, пар, дым. А шуму сколько. Он же и ночью мог варить. Гремел тазами, мебель

двигал, а стены у нас не кирпичные, как может показаться, а фанерные — все слышно. Да еще народ к нему постоянно шастал, в дверь подъездную колотил, она у нас на ключ запирается, на домофон не собрали, всем денег жаль.

— Что за народ?

— Покупатели!

— Так он еще и магазин на дому устроил?

— Можно и так сказать. Но желающих купить мыло по цене хороших духов не так много, поэтому потока покупателей не было. Однако за день паратройка человек навевалась. Перед праздниками вообще беда — идут и идут. Я, кстати, в налоговую звонила. Да все руки у них до Вальки не доходили. А участковый, которому я тоже жаловалась, пришел, да и ушел... унося с собой подарочки.

— Где Петров покупателей находил, не знаете?

— В Интернете, — ответил за соседку Леха. И продемонстрировал экран планшета, на котором отображалось объявление, размещенное Валентином. Все то же про простые вещи в непростом исполнении. — Тут и переписка с потенциальными и постоянными клиентами имеется. Будет над чем поработать.

— Да, у него были постоянные клиенты, — кивнула соседка. — Двоих я запомнила...

— Опишите.

— Одна женщина. Приятная, лет тридцати, с веснушками. А еще мужчина. Высокий, здоровый, бритый... Ну чистый Шрек, только не зеленый. И вот тут... — Она указала на шею. — Тату у него. Иероглиф какой-то. Я его, мужчину этого, сначала, как увидела,

испугалась. Думала, бандит. А потом смотрю, глаза добрые. И манеры такие, знаете... Как у джентльмена.

— А манеры свои он когда вам продемонстрировать успел?

— Столкнулась с ним на лестничной площадке. Так он меня вперед пропустил, улыбнулся, чуть ли не поклонился. Приятный очень мужчина. Мне кажется, иностранец.

— Почему вам так кажется?

— Да вид у него какой-то не наш. И говорит он с акцентом. Я слышала...

— Не с французским?

— Да я разве разбираюсь, — пожалала плечами женщина.

Левон вопросительно глянул на коллегу.

— Среди постоянных клиентов Петрова значится Пьер Морель, — пояснил он. — И с ним у покойного сегодня была назначена встреча.

— Вот и первая зацепка, — возбужденно проговорил Левон.

— А вот вторая! — Леха сунул ему в руки планшет. — Видишь это?

Левон пробежал глазами по экрану. Открытый чат на одном из социальных сайтов. Диалог велся между мужчиной и женщиной. Валентином Петровым и некой Мэри Крисмас. Велся он не один день. И даже не недели — месяцы. Правда, вяло. Валентин писал много и часто, а вот ответы получал через раз, а то и два. Левон пробежал глазами по последним сообщениям и понял, что заинтересовало Леху. Валентин пригласил Мэри к себе в гости. Обещал подарок на день рождения. Судя по мигающему тортику в уголке ее

аватарки (не фотографии, а рисованной картинки), он был сегодня.

Сообщение Мэри прочитала, но не ответила на него. В Сети она не была с десяти утра.

Да, пожалуй, это еще одна зацепка.

— Программистам придется попотеть, чтоб выяснить, что это за Мэри такая, — пробормотал Левон. — На странице никакой личной информации. Даже фотография отсутствует.

— Да она им меньше всего нужна. Изучат друзей, пробьют ящик, с которого профайл зарегистрирован, и выдадут тебе не только адрес по прописке и телефон, но озвучат ее сексуальные пристрастия и размер одежды. Фотки, кстати сказать, ты тоже получишь, да не простые, а в стиле ню.

— А их-то они откуда возьмут? — любопытствовала соседка. И Леха соизволил ей ответить:

— Ой, да многие их делают сейчас. И отправляют любовникам-любовницам. А раз так, они есть в почте.

— А у Вальки любовницы не было! — выпалила она.

— А может, та, с веснушками, не покупательница вовсе? Когда, кстати, вы последний раз ее видели?

— На прошлой неделе. Вечером. И никакая она не любовница, — фыркнула женщина. — Она была у Вальки десять минут всего (я подъезд подметала, так до первого этажа не успела спуститься), ушла с пакетом, воняющим кокосом...

— Тоже не любите этот запах? — встрепенулся Леха.

— Ненавижу! — Она поморщилась. — Стою сейчас, задыхаюсь.

— А я уже принял...

— Вы посмотрите, как он жил! В разлуке полной. Ладно, ремонта не делал и мебель не покупал, так проводку провести не мог. У него ни в комнатах, ни в туалете света нет. Только пара розеток функционирует. Разве можно в такой дом девушку привести?

— А если к ней?

— Да он из дома не выходил совсем. Все по Интернету заказывал — от сырья до продуктов.

— Почему? Фобия, что ли, какая?

— Нет. Просто домосед такой. Всегда был. Но раньше приходилось все же ему из берлоги своей вылезать. А теперь, когда все на дом привозят, необходимость в этом отпала.

— Как же он... э... удовлетворял некоторые свои другие потребности?..

— Вы про секс? — пришла ему на помощь соседка. — Так тоже на дом. Девочек вызывал, но редко.

— Про девочек откуда знаете? — поинтересовался Левон.

— Напомнить про стены? — хмыкнула та и перевела взгляд на Леху: с ним она разговаривала охотнее. — Нормальная женщина не будет так охать и стонать. Только девушка по вызову, что свой гонорар отработывает. Неубедительно, понимаете? Да и выглядят... — Она махнула рукой. — Шалавы, в общем! Не спутаешь их ни с кем...

Соседке было между пятьюдесятью пятью и шестьюдесятью. По мнению Левона, именно молодые работающие пенсионерки оказывались лучшими свидетельницами. Они проницательны, наблюдательны и

довольно современны. В показаниях минимум эмоций и выдумок. Хотя и без них не обходится, конечно.

— А кто мог желать Валентину смерти, как вы думаете? — спросил Левон.

— Только Павлушка.

— Это кто такой?

— Парень с первого этажа, которому среди ночи приходилось дверь Валькиным клиентам отпирать... — Видя, что ее слушают с серьезным видом, поспешно добавила: — Да шучу я так неудачно! Вы что, буквально мои слова восприняли?

— А в какой квартире Павлушка живет?

— Да не мог он Вальку убить. Чего вы? — перепугалась женщина. — Да, цапался с ним иногда, но мы тут постоянно друг с другом ругаемся. Паршивый у нас подъезд, да и весь дом целиком. Снесли бы уж скорее да нас расселили. Но он крепкий еще, вот и маемся. Половина жильцов пьет, остальная их терпит. И не съедешь никуда. Мы хоть и недалеко от центра, но чуть ли не на заводской территории. Никто сюда не хочет переезжать...

— Да вы не волнуйтесь так, — успокоил свидетельницу Леха. — Мы просто поговорим с Павлушей. Раз он ночами клиентам Петрова дверь открывал, то знает их в лицо.

— А, ну да... Во второй он.

— Спасибо вам за содействие. Если будут вопросы, мы к вам обратимся.

— Я вот еще что забыла рассказать вам. Не знаю, важно это или нет, но вы уж сами решите.

— Слушаю вас.

— Не помню, говорила ли, что Валька на моих глазах вырос. Так вот, когда ему было двадцать два, его чуть не убили.

— Что вы говорите? — заинтересовался Левон, до этого слушавший свидетельницу не очень внимательно.

— Чудом выжил. Голову ему проломили, но Валька выкарабкался.

— Кто его так?

— Самое удивительное, что не ясно кто.

— А что вас удивляет? Не всегда удается найти преступников.

— Так его нашли. Марковна, это бабуля с соседнего подъезда, покойная ныне, видела напавшего на Вальку парня. И узнала его. Он к одной девчонке из ближайшего дома наведывался. Парня арестовали. Но Валька на опознании заявил, что на него напал совсем другой человек. И стоял на своем все время. В итоге подозреваемого отпустили. Марковна после этого с Валькой разговаривать перестала. Уверена была, что не ошиблась. Пусть она и была тогда уже в очень преклонном возрасте, но в своем уме и не слепая, только плохо видящая. Ухажера соседской девушки мы больше не видели. Не знаю, что с ним случилось. Но я тут подумала, а что, если он через много лет вдруг решил Вальку добить?

— Хорошо, что рассказали. Спасибо. Обязательно поднимем материалы того дела.

— Вы вообще нам очень помогли, — присоединился к нему Леша. — Искреннее мерси.

Женщина с достоинством кивнула и удалилась.